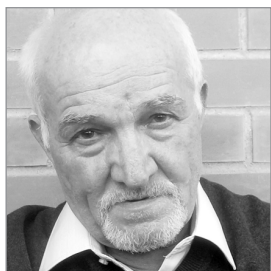

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ*

Филатов Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: toptiptop@list.ru

В конце XIX в. в российском социально-экономическом сообществе прошел спор о путях модернизации страны, в котором участвовали «легальные марксисты». В статье рассмотрены социальный, идеологический и теоретический контексты этого спора. Показано влияние маргиналистской революции на изменение ситуации в экономической науке того времени. С позиции философии науки дается рациональная реконструкция изменения отношения легальных марксистов к экономической теории Маркса. Показано, что они вполне логично оценивали теорию Маркса как устаревшую и видели в маргиналистской программе новую и перспективную альтернативу.

Ключевые слова: легальный марксизм, спор о капитализме, идеология и анализ, маргиналистская революция, теория ценности

LEGAL MARXISM AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Vladimir Filatov – DSc in Philosophy, professor. Russian State University for Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: toptiptop@list.ru

At the end of the XIX century in the Russian socio-economic community dispute occurred on how to modernize the country – dispute about “the fate of capitalism” in Russia. One of the parties in this dispute were “legal marxists”. The article analyzes the social, ideological and theoretical contexts of this dispute. It is shown that the marginal revolution significantly change the situation in the economics of that time. From the standpoint of the philosophy of science is given a rational reconstruction of the changing attitudes of legal marxists to Marx’s economic theory. It is shown that they are quite rationally evaluated Marx’s theory as obsolete and regressing and seen in marginal program a new and promising alternative in economic theory.

Keywords: legal marxism, debate about capitalism, ideology and analysis, marginal revolution, theory of value

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00698 «Социальная история научного сообщества российских экономистов, 1880–1930 гг.».

В статье предпринимается попытка рассмотреть достаточно известный и не раз описанный в нашей литературе феномен – русский легальный марксизм – с несколько непривычной позиции философии науки. В советское время это течение обычно оценивалось как буржуазно-демократическое направление конца XIX в., представители которого временно использовали марксизм против идеологии народников в споре о развитии капитализма в России. При этом легальные марксисты искажали марксистскую теорию, их союз с нелегальными «революционными марксистами» (Г.В. Плехановым, В.И. Лениным и др.) был кратким и не крепким, они были «ревизионистами» и вскоре перешли на позиции идеализма. Речь идет о таких выдающихся впоследствии фигурах, как М.И. Туган-Барановский (1865), П.Б. Струве (1870), С.Н. Булгаков (1871), Н.А. Бердяев (1874), С.Л. Франк (1877). Даты их рождения приведены здесь, чтобы показать, что в середине 1890-х гг., когда начался названный спор, эти люди только начинали свой научный и философский путь.

Ныне оценки этой группы существенно изменились. Чаще всего их увлечение марксизмом объясняют обычным в ту пору участием молодежи в студенческие годы в революционных кружках, тягой молодых людей к радикальным идеям. Также и их «ревизионизм» рассматривается уже не как недостаток, а скорее как преимущество. Ведь ревизионизм, если убрать идеологические коннотации, означает пересмотр определенных положений теории, которая не может быть истинной и непогрешимой на все времена, каковой считали марксистскую теорию «ортодоксы» Плеханов, Аксельрод и Ленин. Патриарх нашей философии Т.И. Ойзерман обстоятельно разобрал в этом плане идеи легальных марксистов и отметил, что они во многом предвосхитили широко известный ревизионизм Э. Бернштейна [Ойзерман, 2005].

Но все же неясно, почему увлечение марксизмом у них столь быстро закончилось своего рода «коллективным отречением» от этого учения в сборнике «Проблемы идеализма» (1902) и в других их работах начала XX в. Я полагаю, что имеет смысл посмотреть на эту ситуацию и с точки зрения философии науки. С этой позиции названных легальных марксистов можно в 1890-е гг. считать молодыми учеными-экономистами (четыре вполне определенно, Бердяева с существенными оговорками), которые в споре о капитализме учитывали как сложность становления новых институтов в процессе модернизации России, так и, что не менее важно, существенные изменения в экономической науке в эти годы.

О философии и методологии экономической науки

Родоначальники политической экономии А. Смит и Д. Рикардо не оставили каких-то ясных и подробных описаний методов своей работы. Не было определенности и с общим статусом этой новой науки, первой из других социальных наук выделившейся в качестве самостоятельной научной дисциплины из сложного комплекса философских, политических и моральных учений. Считается, что первой серьезной работой этого плана было эссе Дж. С. Милля «Об определении предмета политической экономии; и о методе, свойственном ей» (1836), основные положения которого он затем уточнил в VI разделе («Логика нравственных наук») своей широко известной «Системы логики» (1848).

«Маржиналистская революция» 1870-х гг., вызванная переходом от трудовой теории ценности (стоимости) к теории предельной полезности, привела к тому, что классическая «политическая экономия» стала пониматься как прошедший этап. Сменилось, по крайней мере в англоязычном регионе, даже имя этой науки, которая стала называться «экономической наукой» (economical science – economics). Эта революция вызвала появление значительной литературы, посвященной методологии экономики, в том числе классических работ этого жанра У. Ст. Джевонса, К. Менгера, Дж. Н. Кейнса, Д.Э. Кэрнса. В немецкоязычном регионе в 1880-х гг. начался широко известный «спор о методах» между основателем австрийской экономической школы К. Менгером и лидером немецкой исторической школы Г. Шмоллером. Стоит отметить, что в 1890-е гг. работы названных авторов переводились на русский, что свидетельствует об интересе отечественных экономистов к философско-методологической проблематике.

В первой половине XX в. методология экономики развивалась в основном самими экономистами, принадлежащими к различным школам (Л. Роббинс, Т. Хатчисон, Дж. Хикс, Л. Мизес, Ф. Хайек, М. Фридмен и др.). Доминировавшие в философии науки представители неопозитивизма ориентировались на естественные науки и не уделяли особого внимания наукам социальным. Сходная ориентация была характерна и для постпозитивистской философии науки в 1960–1970-е гг., если брать таких ее крупнейших представителей, как К. Поппер, С. Тулмин, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Л. Лаудан и др. Вместе с тем довольно быстро началось активное использование постпозитивистских концепций учеными-экономистами и философами, специализирующимися в области методологии экономики. Первоначально были сделаны попытки адаптировать модель научных революций Т. Куна, поскольку в самой экономической науке выделялись такие феномены, как «маржиналистская революция», «кейнсианская

революция» [The Marginal, 1973; Mehta, 1978; Gutting, 1980]. Однако концепция Т. Куна мало соответствовала истории экономической науки, поскольку в последней не было периодов безраздельного господства одной парадигмы, а научное сообщество в истории этой дисциплины предстает куда менее сплоченным, чем в естественных науках.

С 1990-х гг. на первый план в философии экономики вышли идеи фальсификационизма К. Поппера и особенно адаптация методологии исследовательских программ И. Лакатоса применительно к реконструкции развития экономического знания [Appraising, 1991; Блауг, 2004]. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что эти философы в свое время работали в Лондонской школе экономики, где у них появились последователи. Но главное было в том, что образ науки как конкуренции различных направлений и школ неплохо соответствовал картине развития экономической науки. Важно и то, что методология исследовательских программ содержит критерии, которые позволяют не только философам, но и самим ученым-экономистам оценивать программы как «прогрессирующие» или «вырождающиеся». Это позволяет сделать рациональный выбор: если научная программа прогрессирует, то ученому рационально будет придерживаться ее, если же она вырождается, то рациональной будет попытка поиска нового подхода или же перехода на позиции уже существующей и прогрессирующей альтернативной программы.

Необходимо отметить, что в экономической науке, в отличие от физики и других «ценностно-нейтральных» естественных наук, значительную роль играют ценностные и идеологические установки ученых. Известный австрийский экономист Й. Шумпетер в трехтомной «Истории экономического анализа» пытался реализовать простой на вид метод разграничения в экономических учениях собственно научного знания от идеологических составляющих. Он отмечал, что экономисты редко бывают беспристрастными исследователями, для них характерно то или иное перспективное «видение» хозяйственных реалий, которое идеологично по своей природе. Но их вклад в науку определяется не идеологическими предпочтениями, а развитием средств анализа и объяснения. «Аналитическая работа начинается с видения, а оно идеологично почти по определению. Если есть хоть какой-нибудь мотив, побуждающий нас видеть факты так, а не иначе, то можно не сомневаться, что мы увидим их так, как нам хочется... Единственное, что утешает, так это то, что существует широкий круг явлений, никак не затрагивающих наши эмоции и поэтому представляющихся разным людям одинаково. Кроме того, мы можем отметить, что правила и приемы анализа в той же мере независимы от идеологии, в какой наше видение пронизано ею» [Шумпетер, 2001, с. 51]. Конечно тут возникают вопросы: так ли легко отделить это «видение» от аналитических построений? не проникает ли это идео-

логическое видение в парадигму или «твердое ядро» определенной научной программы? Но можно пока оставить эти вопросы в стороне и обратиться к более конкретной ситуации «спора о капитализме» и тем контекстам, в которых он происходил.

Социально-экономический контекст «спора о капитализме»

Россия вступила на путь капиталистической модернизации после освобождения крестьян и других великих реформ 1860-х гг. В результате достаточно широкие слои народа получили возможность экономической активности, нарастали темпы развития промышленности и формирования институтов рыночной экономики. Как и в Западной Европе индустриальный капитализм в России стимулировался и сопровождался бурным строительством железных дорог (к 1900 г. их было построено около 50 тыс. км). По темпам прироста внутреннего валового продукта Россия в 1880–1990-е гг. была в лидерах мировой экономики. Казалось бы, все признаки капитализма в стране были налицо, что же могло вызвать дискуссию?

Причин здесь было много, отметим лишь главные из них. Проблемой была судьба села, поскольку даже к концу XIX в. Россия оставалась крестьянской страной. В разгар этого спора, в 1897 г. в России прошла первая хорошо организованная перепись населения. Из 125 млн жителей почти 100 млн были крестьянами и только 2,5 млн рабочими. Одно это заставляло задумываться о возможности и перспективах «раскрестьянивания» страны, что предполагалось марксистской теорией. Также важным отличием России была слабость инфраструктуры, необходимой для буржуазных преобразований. На Западе такой инфраструктурой выступало прежде всего городское хозяйство. В России города складывались не как центры ремесла и торговли, а как прежде всего опорные пункты власти. Это коренное отличие европейской истории от русской отмечал Туган-Барановский: «Средневековый город, цеховое ремесло были почвой, из которой выросла вся цивилизация Запада, весь этот в высшей степени своеобразный общественный уклад, который поднял человечество на небывалую культурную высоту. Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада – буржуазию. Достигнув экономического преобладания буржуазия стала и политически господствующей силой и вместе носительницей культуры и знания <...> Историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленно-

сти – и в этом заключается самое принципиальное, самое глубокое отличие ее от Запада, отличие, из которого проистекали, как естественное последствие, все остальные. Не зная городского хозяйственного строя, Россия не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнейшей хозяйственной истории Запада» [Туган-Барановский, 1993, с. 419–420].

В пореформенной России наблюдался бурный рост кустарной промышленности, которая вплоть до 1880-х гг. конкурировала с фабричным производством и располагалась в основном в сельской местности. Само же село довольствовалось простыми продуктами этого кустарного производства, а многие потребности удовлетворяло в рамках домашнего натурального хозяйства. Поэтому идеологи народничества (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон) считали, что индустриальный капитализм не имеет в России перспективы вследствие недостатка рынков. Внутренний рынок по названным обстоятельствам очень узок, а внешний рынок закрыт, поскольку он уже поделен ушедшими вперед индустриальными странами – Англией, Францией и Германией. Социалистические же убеждения народников вели их к выводу, что Россия может избежать пролетаризации населения и миновать индустриальный капитализм через прямой переход к более человеческому типу общества, экономической основой которого стало бы гармоничное соединение артельно-кустарного производства с земледелием.

Идеологические ориентации

В рассматриваемом споре значительную роль играла идеология. Вообще говоря, массовое увлечение марксизмом в 1880–1990-е гг. в России являлось в основном идеологическим, а не научным феноменом. Таково было и восприятие экономической литературы в целом. Как отмечал в то время переводчик экономической работы У. Ст. Джевонса Л. Гольдмерштейн, для русских долгое время политическая экономия была сухой и скучной наукой вроде палеонтологии, но когда на сцену выступили Прудон, Маркс, Лассаль и другие, эта наука предстала в новом свете – как ключ к преобразованию страны. «Многотомные труды заграничных политико-экономов переводились, переписывались, печатались и расходились в огромном количестве экземпляров, и русская молодежь читала их, увлекалась ими, верила им, но не критиковала их. Те, кто брался исправить ошибки в сложной государственной машине исполинской страны, кто критиковал результат тысячелетней исторической работы, те самые люди на слово верили немецкому социалисту и французскому коммунисту <...> не узнав ее азбуки» [Гольдмерштейн, 1897].

Любопытна в этой связи концепция известного американского экономиста и историка российского происхождения А. Гершенкрона. В работе «Экономическая отсталость в исторической перспективе» [Гершенкрон, 2004] он разбирает процессы запаздывающей модернизации во Франции, Германии и России, обращая особое внимание на идеологическое сопровождение этих процессов. В Англии, первой стране индустриального капитализма, мощную поддержку модернизации обеспечивала идеология либерализма. Индустриализация во Франции началась с 1850-х гг., в идеологическом отношении главным ее аккомпанементом стало антилиберальное и в некоторых аспектах социалистическое учение «индустриализма» А. Сен-Симона и его последователей. В Германии переход к капитализму происходил реформистским путем, и главной проблемой немецких промышленников была иностранная конкуренция. В этой ситуации наиболее подходящей идеологией модернизации стала теория «воспитательного протекционизма» родоначальника немецкой исторической школы в политической экономии Ф. Листа с ее элементами национализма и противостояния либерализму. В России большой скачок индустриализации пришелся на 1880-е гг., причем стартовый уровень экономического развития России был существенно ниже, чем в ушедших вперед странах. В этих условиях требовалась гораздо более сильная идеология, чем даже сен-симонизм. Поэтому «не покажется удивительным утверждение, что в российской индустриализации ортодоксальный марксизм выполнял очень похожую функцию. Ничто лучше не смогло бы примирить русскую интеллигенцию с приходом капитализма в страну и разрушением ее старой веры в мирь и артель, чем система идей, представляющих капиталистическую индустриализацию страны как результат железных законов исторического развития» [Гершенкрон, 2004, с. 72].

Концепция А. Гершенкрона интересна и во многом верна. Уже отошедший от марксизма П.Б. Струве отмечал, что русский марксизм «оправдал капитализм». Н.А. Бердяев в «Самопознании» оценивал русский марксизм той поры как вариант западничества, задающий широкую историософскую перспективу. Но возникали и проблемы. Можно ли эту марксистскую перспективу применять к отсталой крестьянской стране, а не к самым развитым индустриальным странам, как это было у самого Маркса? Очерчивала ли эта перспектива однозначный путь развития страны по той схеме, которая содержалась в работах Маркса? Стоит в этой связи отметить, что Н.Ф. Даниельсон, публицист-народник и основной оппонент русских марксистов в этом споре, был переводчиком трёх томов «Капитала» и состоял в многолетней переписке с Марксом и Энгельсом. Однако он видел иной, чем неизбежное господство капиталистической системы, путь развития страны.

Теоретическая ситуация

С позиций философии науки наибольший интерес представляет не идеологический, а теоретический контекст, повлиявший на взгляды легальных марксистов. И здесь необходимо учитывать ситуацию в экономической науке во второй половине XIX в., когда, как уже отмечалась выше, произошла «маржиналистская революция» в экономической теории. В 1871 г. У. Ст. Джевонс опубликовал «Теорию политической экономии», К. Менгер «Основания политической экономии», в 1874 г. вышли «Элементы чистой экономики» Л. Вальраса. Эти ученые в трех разных странах, – независимо друг от друга, – пришли к открытию теории предельной полезности, которой было суждено сменить трудовую теорию ценности, служившую основанием классической политэкономии, в том числе и экономической теории Маркса.

Хотя в литературе по философии экономики идут споры о том, было или нет это открытие «залповым» [Блауг, 1994, с. 275; Майровски, 2012], несомненно, что оно назрело. Также достаточно быстрое признание экономической теории на основе предельного анализа было обусловлено тем, что все три названных экономиста были известными учеными, активно продвигавшими новые идеи. Они работали в университетах, у них были ученики и последователи.

Другим существенным обстоятельством этого периода была значительная профессионализация экономической науки. Как отмечает известный методолог и историк экономики М. Блауг, «бесполезно спорить, было ли распространение экономической теории на основе предельной полезности, в отличие от ее происхождения, по большей части результатом эндогенного или экзогенного воздействия. В точности в этот период времени экономическая наука начала зарождаться как профессиональная дисциплина со своей системой обществ и журналов; непрофессионал-любитель прошлого впервые уступил дорогу специалисту, зарабатывающему себе на жизнь в звании экономиста. Профессионализирующаяся наука с необходимостью генерирует свой собственный импульс, влияние внешних событий ограничивается “оболочкой” и не достигает “ядра” дисциплины» [Блауг, 1994, с. 287].

Каково же было отношение сторонников новых, основанных на теории предельной полезности подходов в экономической теории к учению Маркса, изложенному в «Капитале»? Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, фундаментальным элементом ядра экономического учения Маркса, как и всей английской классической политической экономии, была трудовая теория ценности. Эта исследовательская программа к середине XIX в. столкнулась с целым рядом аномалий, которые в ее рамках не поддавались решению. В терминах

Лакатоса, эту программу после «Принципов политической экономии» Милля можно считать стагнирующей, исчерпавшей эвристический потенциал. Во-вторых, Маркс слишком долго писал «Капитал». В 1851 г. он считал, что закончит работу «за пять недель», однако первый том «Капитала» был опубликован на немецком языке только в 1867 г., а английский перевод появился в 1887 г. Уже после смерти Маркса Энгельс выпустил второй том в 1885 г., третий – в 1894 г.

Известно, что Маркс и его окружение считали, что публикация «Капитала» произведет эффект взорвавшейся бомбы. Однако рабочие в викторианской Англии стали жить к этому времени значительно лучше, революционного крушения капитализма не наблюдалось, а от экономической науки уже не ждали пророчеств о грядущих социальных переустройствах. «В итоге сконструированная Марксом интеллектуальная бомба взорвалась почти беззвучно; вместо шквала возражений он наткнулся на непреодолимую стену молчания. Случилась необычная вещь: экономика перестала быть постоянно разрастающимся набором взглядов на мир – и философа, и биржевого игрока, и революционера – теперь ее целью уже не было освещение того пути, который выбирает общество. Теперь она стала уделом ученых; и если ранние экономисты стремились осветить весь мир маяками своих открытий, то этим было довольно одного, но яркого луча» [Хайлбронер, 2008, с. 216–217].

В среде таких профессиональных экономистов, работавших в университетах, выход «Капитала» прошел незамеченным. Можно отметить, что в работах Менгера, Дживонса и Вальраса нет каких-то следов знакомства с теорией Маркса, скорее всего они просто не знали о ее существовании. Но уже в конце 1880-х и в 1890-е гг. ситуация стала меняться. В это время происходил рост влияния марксизма в связи с подъемом рабочего движения и возникновением социалистических партий. Но к этому времени основанная на идеях предельной полезности новая экономическая теория, расширенная и разработанная в деталях следующим поколением теоретиков (Визер, Бем-Баверк, Маршалл и др.), уже стала весьма эффективным интеллектуальным оружием против теории Маркса. Так, в 1896 г. выходит книга Бем-Баверка «Теория Карла Маркса и ее критика», в которой убедительно выявлены ошибки и противоречия марксовской теории. Любопытно, что эта работа была весьма оперативно переведена на русский язык и издана в 1897 г. [Бем-Баверк, 1897] под редакцией профессора Санкт-Петербургского университета П.И. Георгиевского, который в предисловии пожелал, чтобы читатели скорее осознали, что у марксистской теории «осталось только прошлое, но нет ни настоящего, ни будущего».

Но в России ситуация заметно отличалась от европейской. Сюда влияние марксизма пришло тогда, когда оружие против него только начало коваться. Этому способствовал и ранний перевод «Капитала»

(1872 г.), и названные выше причины значительной популярности марксизма как идеологии, оправдывающей модернизацию страны. Также в среде экономистов маржинализм был воспринят с запозданием [Макашева, 2009], с заметной задержкой по сравнению с ведущими европейскими странами шла и профессионализация экономической науки. В 1900 г. С.Л. Франк отмечал: «Все развитие теории политической экономии за последние 20–30 лет прошло незамеченным для нас, потому что не укладывалось в раз принятую схему теории Маркса; учения Кнуса, Менгера, Бем-Баверка, Джевонса, Маршалла и многих других оставались до сих пор китайской грамотой для огромнейшей части нашей образованной публики» [Франк, 1900].

Между тем самого Франка и его коллег по легальному марксизму в этом невнимании нельзя упрекать. Уже в 1890 г. вышла большая статья Туган-Барановского «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности» [Туган-Барановский, 1890]. Вслед за ним новую теорию ценности принял Струве. Прделанный Франком критический анализ теории ценности Маркса получил положительные оценки у далеких от марксизма экономистов. Декан только что созданного первого в стране факультета экономики в Петербургском политехническом институте А.С. Постников в 1902 г. предложил ему работу на факультете (но Франк отказался от этого предложения, поскольку оно предполагало переход в христианство). Менее значимым революционный сдвиг в экономической теории был для Булгакова и Бердяева, поскольку первый придерживался программы немецкой исторической школы национальной экономии, а второй участвовал в рассматриваемом споре скорее как социолог и философ.

Если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения философии науки, то вполне логично, что легальные марксисты весьма критически оценивали экономическую теорию Маркса как устаревшую и видели в маржиналистской программе новую и перспективную альтернативу. Стоит заметить, что и с философско-методологической стороны их также мало что связывало с марксизмом. Основные философские работы Маркса и Энгельса («Экономико-философские рукописи», «Немецкая идеология» и др.) еще лежали в рукописях, и Маркса мало кто воспринимал как философа. Гегелевские пассажи в «Капитале» их не привлекали. Для Туган-Барановского главным философом был Кант (по собственному признанию «Критику чистого разума» он прочитал семь раз), в методологии он ориентировался на Милля. Струве в эти годы был под влиянием неокантианца А. Рилля. Франк был близким учеником главы московских экономистов А.И. Чупрова, который в методологии следовал Миллю и отчасти Менгеру. В философии Франк, как и Бердяев в те годы, колебался между неокантианством и Ницше.

Здесь также важно, что легальные марксисты получили весьма хорошее экономическое образование. Они специализировались по кафедрам экономики юридических факультетов, на которых в это время, как отмечает В.С. Автономов, «началось массовое воспроизводство профессиональных экономистов» [Автономов, 2003, с. 122]. Собственно, они и были представителями первого поколения таких экономистов. Профессионализация приводит, что важно отметить, к изменению отношения ученых к внешнему социально-политическому контексту, а также к более критической позиции в выборе теорий. Нельзя отрицать того, что названный контекст влияет на развитие экономической науки, однако эта наука имеет и внутренние импульсы и логику развития, которые не сводятся к оправданию или критике капитализма. Более того, у экономистов-ученых, как отмечено выше М. Блаугом, эти внутренние импульсы становятся ядром их деятельности, а влияние внешнего контекста ограничивается лишь оболочкой. Поэтому в свете лакатосовской «рациональной реконструкции истории» нет ничего удивительного в том, что эти ученые достаточно быстро охладели к марксизму и перешли на прогрессирующую альтернативную программу.

Роза Люксембург, которая внимательно следила за этим процессом, подвела итоги этих превращений столь ярко, что стоит привести ее слова целиком: «Легальные русские марксисты несомненно одержали победу над своими противниками – народниками; но они одержали слишком большую победу. Все трое – Струве, Булгаков и Туган-Барановский – в пылу борьбы доказали больше, чем требовалось доказать. Речь шла о том, способен ли капитализм к развитию вообще и в России в частности, а названные марксисты настолько основательно доказывали эту возможность, что дали даже теоретическое доказательство возможности вечного существования капитализма. Ясно, что если допустить безграничное накопление капитала, то доказана и безграничная жизнеспособность капитала. Накопление является специфическим капиталистическим методом расширения производства, развития производительности труда, роста производительных сил и экономического прогресса. Если капиталистический способ производства в состоянии гарантировать безграничное возрастание производительных сил и экономический прогресс, то он непреодолим. Выбивается важнейшая объективная опора научной социалистической теории, прекращается политическая борьба социализма, и идейное содержание пролетарской классовой борьбы перестает быть рефлексом экономического прогресса, социализм перестает быть исторической необходимостью. Ход доказательства, начавшись с возможности капитализма, закончился невозможностью социализма» [Люксембург, 1934, с. 226].

Здесь, правда, есть один нюанс. Как уже отмечалось, Россия в начале XX в. была еще преимущественно крестьянской страной. Но и идеи народничества о некапиталистическом развитии страны на ос-

нове особого общинно-артельного производства уже выглядели нереалистично. В этом плане интересна эволюция еще не отошедшего от экономической науки в религиозную философию С.Н. Булгакова. Его не слишком интересовали новые веяния, идущие от маржинализма, поскольку он работал в рамках немецкой исторической школы национальной экономии. Поначалу он также вполне воспринял марксистское видение исторического процесса. Однако в ходе работы над книгой «Капитализм и земледелие» (1900) он пришел к выводу, что предполагаемой марксизмом тенденции к концентрации капитала не существует в аграрной сфере, где крупные формы производства были более ранними, наследуемыми от средневековья. В процессе исторической эволюции они дробились и уступали место индивидуальному крестьянскому хозяйству. Любопытно, что сходные процессы обнаружила и российская аграрная статистика тех лет. Несомненно, что это было одним из главных факторов отхода Булгакова от марксизма.

Стоит в связи с этим отметить, что аграрная статистика, которая бурно развивалась в стране после земской реформы, была, по признанию современных исследователей, чуть ли не лучшей в мире. На этой почве в 1910-х гг. возникло оригинальная экономическая программа – организационно-производственная школа А.В. Чаянова, А.Н. Челинцева, Н.П. Макарова, А.А. Рыбникова и др. Ядром ее было теоретическое и эмпирическое исследование семейно-трудового крестьянского хозяйства. Эта школа применяла аналитический аппарат маржинализма к столь непривычному объекту, как крестьянский двор. За это марксистские критики в 1920-е гг. называли их то «австрийцами», то «неонародниками». Между тем это направление получило результаты, которые и ныне считаются классическими.

* * *

Конечно, рациональная реконструкция отличается от герменевтической, стремящейся выявить неповторимые личностные мотивы поступков тех или иных исторических деятелей. Однако в экономической науке, пусть даже тесно вплетенной в социально-политический контекст и пронизанной ценностными предпочтениями, действенными оказываются и рациональные модели выбора теорий, и объективные оценки учеными ситуаций кризиса и смены исследовательских программ.

Список литературы

Автономов, 2003 – *Автономов В.С.* История экономической мысли и экономического анализа: место России // Очерки истории российской экономической мысли / Под ред. Л.И. Абалкина. М.:Наука, 2003. 366 с.

Бем-Баверк, 1897 – *Бем-Баверк Е.* Теория Карла Маркса и ее критика / Пер. с нем. Под ред. и с предисл. П.И. Георгиевского. СПб.: Тип. П.И. Сойкина, 1897.127 с.

Блауг, 2004 – *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Вопр. экономики, 2004. 416 с.

Блауг, 1994 – *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Вопр. экономики, 1994. 394 с.

Гершенкрон, 2004 – *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 420–447.

Гольдмерштейн, 1897 – *Гольдмерштейн Л.* Предисловие переводчика // *Джевонс Ст.* Краткое руководство политической экономией / Пер. с англ. СПб.: Тип. П.И. Сойкина, 1897. С. 7–48.

Люксембург, 1934 – *Люксембург Р.* Накопление капитала. Т. I–II. 5-е изд. М.; Л.: Соцэргиз, 1934. 463 с.

Майровски, 2012 – *Майровски Ф.* Физика и «маржиналистская революция» // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 1. С. 100–116.

Макашева, 2009 – *Макашева Н.А.* Как маржинализм приходил в Россию? Два эпизода из истории // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7. № 3. С. 29–41.

Ойзерман, 2005 – *Ойзерман Т.И.* Ревизия марксизма «легальными марксистами» // *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. М.: Канон+ Реабилитация, 2005. 688 с.

Туган-Барановский, 1993 – *Туган-Барановский М.И.* Интеллигенция и социализм // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М.: Наука, 1993. С. 410–447.

Туган-Барановский, 1890 – *Туган-Барановский М.И.* Ученье о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юрид. вестн. 1890. № 10. С. 192–230.

Франк, 1900 – *Франк С.Л.* Теория ценности Маркса и ее значение. СПб.: Изд-во М.И. Водовозовой, 1900. 370 с.

Хайлбронер, 2008 – *Хайлбронер Р.Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М.: Колибри, 2008. 432 с.

Шумпетер, 2001 – *Шумпетер Й.* История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Эконом. шк., 2001. 522 с.

Appraising, 1991 – *Appraising Economic Theories: Studies in the Methodology of Research Programs* / Ed. by N. de Marchi, M. Blaug. Aldershot: Edward Elgar, 1991. 566 p.

Mehta, 1978 – *Mehta G.* The Structure of Keynesian Revolution. Bombay: Martin Robertson & Co Ltd, 1978. 228 p.

Paradigms, 1980 – *Gutting G.* Paradigms and Revolutions: Appraisal and Application of T. Khun's Philosophy of Science. Notre Dame:University of Notre Dame Press, 1980. 347 p.

The Marginal, 1973 – The Marginal Revolution in Economics / Ed. by R.D. Collison. A.W. Coats. Craufurd D.W. Goodwin. Durham: Duke University Press, 1973. 586 p.

References

- Avtonomov, V. S. “Istoriya ekonomicheskoi mysli i ekonomicheskogo analiza: mesto Rossii” [History of economic thought and economic analysis: Russia’s place], in: Abalkin L. I. *Ocherki istorii rossiiskoi ekonomicheskoi mysli* [Essays on the history of Russian economic thought]. Moscow: Nauka, 2003. 366 pp. (In Russian)
- Bem-Baverk, E. *Teoriya Karla Marksa i ee kritika* [Karl Marx’s theory and its criticism]. St. Petersburg: Tipografiya P. I. Soikina, 1987. 127 pp. (In Russian)
- Blaug, M. *Ekonomicheskaya mysl’ v retrospektive* [Economic thought in retrospect]. Moscow: Voprosy Ekonomiki, 1994. 394 pp. (In Russian)
- Blaug, M. *Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob”yasnyayut* [The methodology of Economics, or How economists explain]. Moscow: Voprosy Ekonomiki. 2004. 416 pp. (In Russian)
- Craufurd, D. W., Goodwin, R. D., Collison, A. W. Coats (eds.). *The Marginal Revolution in Economics*. Durham: Duke University Press, 1973. 586 pp.
- Frank, S. L. *Teoriya tsennosti Marksa i ee znachenie* [Theory of value of Marx and its significance]. St. Petersburg: M. I. Vodovozova Publ., 1900. 370 pp. (In Russian)
- Gol’dmershtein, L. “Predislovie perevodchika” [The translator’s preface], in: W. St. Jevons. *Kratkoe rukovodstvo politicheskoi ekonomiei* [Short manual in political economy]. St. Petersburg: Tipografiya P. I. Soikina, 1987, pp. 7–48. (In Russian)
- Gutting, G. *Paradigms and Revolutions: Appraisal and Application of T. Khun’s Philosophy of Science*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1980. 347 pp.
- Heilbronner, R. L. *Filosofy ot mira sego. Velikie ekonomicheskie mysliteli: ikh zhizn’, epokha i idei* [The Worldly Philosophers: The Lives, Times And Ideas Of The Great Economic Thinkers]. Moscow: Kolibri, 2008. 432 pp. (In Russian)
- Hershekron, A. “Ekonomicheskaya otstalost’ v istoricheskoi perspective” [Economic backwardness in historical perspective], in: *Istoki. Ekonomika v kontekste istorii i kul’tury* [Roots. Economy in the context of history and culture]. Moscow: GU VSHE, 2004, pp. 420–447. (In Russian)
- Luxemburg, R. *Nakoplenie kapitala* [Capital accumulation]. Vol. 1–2. Moscow, Leningras: Socekgiz, 1934. 463 pp. (In Russian)
- Makasheva, N. A. “Kak marzhinalizm prikhodil v Rossiyu? Dva epizoda iz istorii” [How marginalism came to Russia? Two episodes from the history], *TERRA ECONOMICUS*, 2009, Vol. 7, No. 3, pp. 29–41. (In Russian)
- Mayorovski, F. “Fizika i ‘marzhinalistskaya revolyutsiya’” [Physics and the “marginalistic revolution”], *TERRA ECONOMICUS*, 2012, Vol. 10, No. 1, pp. 100–116. (In Russian)
- Mehta, G. *The Structure of Keynesian Revolution*. Bombay: Martin Robertson & Co Ltd, 1978. 228 pp.

N. de Marchi, M. Blaug (eds.) *Economic Theories: Studies in the Methodology of Research Programs*. Aldershot: Edward Elgar, 1991. 566 pp.

Oizerman, T. “Reviziya marksizma «legal’nymi marksistami” [Revision of Marxism by “legal Marxists”], in: Oizerman T. *Opravdanie revizionizma* [Justification of revisionism]. Moscow: Kanon+ Reabilitatsia, 2005. 688 pp. (In Russian)

Schumpeter, I. *Istoriya ekonomicheskogo analiza. T. 1* [History of economic analysis. Vol. 1]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2001. 522 pp.

Tugan-Baranovski, M. I. “Intelligentsiya i sotsializm” [Intellegency and socialism], in: *Intelligentsiya. Vlast’. Narod: Antologiya* [Intelligentsia. Power. People: Anthology]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 410–447. (In Russian)

Tugan-Baranovski, M. I. “Uchen’e o predel’noi poleznosti khozyaistvennykh blag kak prichine ikh tsennosti” [The doctrine of marginal utility of economic goods because of their value], *Yuridicheskii vestnik*, 1890, No. 10, pp. 192–230. (In Russian)